

ГЛАВА III.

Начало регентства Софьи.

ОЛЬКО два раза до 1682 года женщины управляли государственными дѣлами въ Россіи. Добрую память по себѣ оставила великая княгиня Ольга, мудро царствовавшая въ X вѣкѣ. Зато регентство матери Ивана Грознаго, Елены Глинской, было тяжелымъ временемъ смуть, придворныхъ крамоль, упорной борьбы боярскихъ партій. Послѣ Петра, въ продолженіе большей части XVIII вѣка, царствовали женщины. Семилѣтнее правленіе Софьи (1682—1689) было какъ бы вступленіемъ въ эту эпоху преобладанія женскаго элемента въ правительствѣ.

Дочери царя Алексѣя во время его царствованія воспитывались и жили, по обычаю, въ строгомъ уединеніи скромнаго терема. При царѣ Ѳеодорѣ имъ жилось гораздо свободнѣе и привольнѣе. Молодая мачиха, царица Наталья, не имѣла никакого на нихъ вліянія, не могла сдерживать ихъ. Онѣ начали обращать вниманіе на государственныя дѣла, полюбили польскія моды, подумывали о свѣтской жизни, въ противоположность существовавшему до этого затворничеству царевенъ. Всѣхъ способнѣе, образованнѣе, предприимчивѣе была Софья. Ей удалось забрать въ свои руки бразды правленія. Наравнѣ съ

нею могли имѣть право на регентство другія женщины царской семьи: мать Петра, супруга царя Θεодора, дочери царя Михаила, Анна и Татьяна. О нихъ, однако, при смѣлости и силѣ воли Софьи, не было и рѣчи.

Спрашивалось: сдѣлаетъ ли правительница, при чрезвычайно неблагоприятныхъ условіяхъ развитія политическихъ способностей

Пренія раскольниковъ въ Грановитой Палатѣ.

Съ рисунка художника Дмитріева.

женщинъ въ то время, рѣшить предстоявшія ей трудныя задачи, избрать совѣтниковъ и сотрудниковъ, сдѣлать кое-что полезное для государства до достиженія Петромъ совершеннолѣтія? Чѣмъ успѣшнѣе бы она управляла, тѣмъ легче можно было забыть о томъ насиліи и кровопролитіи, которому она была обязана своимъ положеніемъ во главѣ правительства.

Прежде всего, нужно было думать о средствах для успокоения государства послѣ смуты. Буря утихала мало-по-малу; однако существовало еще много революціонныхъ элементовъ, устраненіе которыхъ лежало на обязанности правительства. Для этого была необходима чрезвычайная сила воли, диктаторская власть. Впродолженіе первыхъ мѣсяцевъ правленія Софьи, опасности, грозившія государству, не прекращались. Нельзя отрицать, что правительница дѣйствовала при этомъ смѣло и цѣлесообразно.

Анархическіе элементы, съ которыми приходилось бороться новому правительству и впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, довольно часто дѣлались весьма опасными. То были: крестьянское движеніе, расколъ, мятежи войска. И при Софьѣ, и потомъ при Петрѣ, эти опасныя явленія вызывали со стороны правительства строгія мѣры.

Прежде всего оказались опасными раскольники.

Двадцать лѣтъ съ небольшимъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при патріархѣ Никонѣ распространеніе раскола приняло большіе размѣры. Въ послѣдніе годы царствованія царя Алексѣя раскольники возставали съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительства. Несмотря на казни, пытки и ссылку, зло не прекращалось. Религіозная борьба находилась въ тѣсной связи съ противогосударственными элементами въ народѣ. Раскольники соединялись охотно и легко съ людьми, ненавидѣвшими усиленную государственную власть, съ противниками недобросовѣстнаго чиновнаго люда, съ казачествомъ. Каждый случай столкновенія съ властью легко получалъ нѣкоторый религіозный оттѣнокъ. Общество, мало заботившееся о чисто политическихъ вопросахъ, всегда было склонно къ богословскимъ разсужденіямъ; фарисейство замѣняло настоящую религіозность. Довольно часто взбунтовавшіеся крестьяне, солдаты и казаки, оправдывали свой образъ дѣйствій тѣмъ, что они стоятъ за домъ святой Богородицы. Мы видѣли, что и стрѣльцы, въ 1682 году употребляли это выраженіе. Чѣмъ менѣе образованіе вообще проникало въ народъ, тѣмъ болѣе онъ былъ доступенъ теоріямъ ограниченнаго византизма и фарисейскаго застоя. Чѣмъ болѣе вниманіе обращалось на обрядность раскольниками, на внѣшнее благочестіе, тѣмъ сильнѣе они дѣйствовали противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Между тѣмъ какъ правительство сознавало необходимость сближенія съ западною Европою, раскольники, коснѣвшіе въ своей старинной исключительности и односторонности, считали такое стремленіе къ Западу религіозною измѣною. Масса народа, сознаніе котораго было устрем-

лено не впередъ, а назадъ, сочувствовала возрѣніямъ раскольниковъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ знатоковъ раскола послѣдній былъ справедливо сравненъ съ Лотовою женою, обернувшеюся назадъ и оставшеюся неподвигною.

Расколъ былъ въ одно и то же время элементомъ анархическимъ и ультра-консервативнымъ. Анархическимъ — по готовности каждую минуту возставать противъ власти, консервативнымъ — по склонности къ протесту противъ всякаго нововведенія и всякой реформы. Чѣмъ болѣе склонно къ преобразованіямъ было правительство, тѣмъ сильнѣе оно должно было столкнуться съ расколомъ. Недаромъ между приверженцами Стеньки Разина, незадолго до 1682 года, находилось много раскольниковъ. Немного позже, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, приходилось осаждать Соловецкій монастырь, сдѣлавшійся притономъ раскола. Многіе современники и соучастники этихъ событій еще были въ живыхъ: они ожидали случая для возобновленія враждебныхъ дѣйствій противъ власти.

Когда во время стрѣлцкой смуты авторитетъ правительства исчезъ совершенно, раскольники надѣялись, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, поправить свое положеніе. При этомъ они могли рассчитывать на покровительство нѣкоторыхъ вельможъ. Начальникъ стрѣлцкаго приказа, князь Хованскій, былъ старовѣръ. Нѣсколько дней спустя послѣ кровопролитія, въ разныхъ мѣстахъ столицы появились расколоучители, требовавшіе мѣръ и средствъ къ возстановленію истинной, старой вѣры; началась агитація противъ государственной церкви; посыпались обвиненія на образъ дѣйствій патріарха; началось составленіе челобитенъ, въ которыхъ раскольники, жалуюсь на притѣсненіе истинной вѣры, требовали доставленія имъ возможности защищать ее въ публичныхъ преніяхъ о вопросахъ церкви и религіи. Во всемъ этомъ проявлялась ненависть къ высшимъ классамъ общества, зараженнымъ, по мнѣнію массы, латинскою ересью.

Хованскій покровительствовалъ этому движенію, принималъ у себя нѣкоторыхъ вожаковъ раскола и давалъ имъ совѣты.

Старообрядцы требовали, чтобы при предстоявшемъ тогда вѣнчаніи Ивана и Петра на царство литургію служили по старому обряду и при этомъ случаѣ были употреблены просфоры съ старымъ крестомъ. Главнымъ агитаторомъ былъ единомышленникъ извѣстнаго Аввакума, Никита Пустосвятъ, который, написавъ сочиненіе въ защиту раскола, былъ сосланъ въ 1667 году, а затѣмъ помилованъ, за свое мнимое отвлеченіе отъ раскола. Онъ-то именно находился въ сношеніяхъ съ княземъ Хованскимъ. Ко дню

вѣнчанія царей, Никита Пустосвятъ напекъ просфоры по своему толкованію и въ самый день коронаціи отправился въ Успенскій соборъ, но, за несмѣтнымъ множествомъ народа на площади, не могъ пробраться въ церковь. Между тѣмъ вѣнчаніе совершилось по установленному чину, съ обычными обрядами и торжественнымъ величіемъ. Это было 25-го іюня ¹⁾).

Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ.

Съ рисунка художника Дмитріева.

Въ слѣдующіе дни волненіе возросло. Съ разныхъ сторонъ раскольники собрались въ большемъ числѣ въ Москву; происходили сходки. Агитація была въ полномъ разгарѣ, особенно въ частяхъ города, обитаемыхъ стрѣльцами. Расколуучители являлись на улицахъ и площадяхъ, наставляли народъ, возбуждали толпу къ мятежнымъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, стрѣльцы далеко не всѣ были за расколъ. Сторонники различныхъ мнѣній спорили горячо и упорно; съ обѣихъ сторонъ сыпались нареканія и угрозы.

При посредничествѣ князя Хованскаго, фанатики достигли того, что 5-го іюля въ Кремлѣ, въ Грановитой Палатѣ, происходилъ

¹⁾ Устряловъ, I, 53—60.

между раскольниками и архіереями диспутъ о вѣрѣ и религіи. Трудно понять, какимъ образомъ правительство могло согласиться на эти публичныя пренія. Къ тому же, каждую минуту можно было ожидать открытаго мятежа, потому что взволнованная чернь, толпившаяся около дворца, требовала, чтобы споръ о вѣрѣ происходилъ въ присутствіи всего народа, на Красной Площади.

Согласившись на устройство преній, правительница требовала, чтобы послѣднія происходили въ ея присутствіи. Весь дворъ, царевны, патріархъ, высшее духовенство, собрались для выслушанія жалобъ раскольниковъ. Толпа, ворвавшаяся во дворецъ, тутъ же у дверей Грановитой Палаты столкнулась съ нѣкоторыми духовными лицами. Произошла схватка, такъ что Хованскій вооруженною рукою долженъ былъ возстановлять тишину.

Засѣданіе открылось вопросомъ, съ которымъ Софья обратилась къ раскольникамъ: «Зачѣмъ они такъ дерзко и нагло пришли во дворецъ?». Послѣ этого началъ говорить Никита Пустосвятъ, которому возражали патріархъ и Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій. Никита разгорячился и бросился къ Аѳанасію съ неистовствомъ. Выборные стрѣльцы должны были защитить архіепископа. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ царевна порицала образъ дѣйствій Никиты, особенно когда онъ осмѣлился нападать на ученіе Симеона Полоцкаго, бывшаго наставника Софьи. Затѣмъ спорили нѣкоторое время о разныхъ пунктахъ раскольниковей челобитной. Нѣсколько разъ говорила и царевна, съ особеннымъ раздраженіемъ, когда старовѣры стали доказывать свою любимую мысль, что еретикъ Никонъ поколебалъ душою царя Алексѣя Михайловича. Споръ превратился въ сильный шумъ. Въ гнѣвѣ Софья сошла съ трона. «Намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство!» сказала она. Въ мятежной толпѣ заговорили: «пора, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно-де царствомъ мутить; намъ бы здоровы царь-государи были, а безъ васъ-де пусто не будетъ». Но бояре и выборные стрѣльцы, окруживъ царевну, клялись положить свои

Пѣшій жилецъ.

Съ рисунка, находящагося въ
„Описаніи одеждъ и вооруженія
русскихъ войскъ“.

головы за царскій домъ и уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто. Пренія продолжались; но когда Никита Пустосвять назвалъ архіереевъ «плутами», царевна велѣла объявить раскольникамъ, что за позднимъ временемъ нельзя продолжать спора. Царскія особы и патріархъ удалились. Выходя къ народу, раскольники торжествовали, показывая видъ, что одержали побѣду надъ архіереями.

Правительница рѣшилась принять энергическія мѣры. Она призвала выборныхъ стрѣльцовъ отъ всѣхъ полковъ, обласкала ихъ, сулила имъ награды, угостила ихъ изъ царскихъ погребовъ, раздала имъ деньги. «Намъ нѣтъ дѣла до старой вѣры», сказали они, возвратившись въ слободы.

Смятеніе продолжалось около недѣли. Носилась молва, что опять будетъ кровопролитіе, что стрѣльцы собираются идти къ Кремлю. Однако, царевна велѣла схватить главныхъ предводителей раскола. Никита Пустосвять былъ казненъ на Красной Площади. Мало по малу волненіе утихало. Оставалась лишь опасность, что начальникъ стрѣлецкаго войска, князь Хованскій, благопріятствовалъ движенію раскольниковъ ¹⁾.

Изъ этихъ событій видно, какъ легко можно было вліять на стрѣльцовъ. Съ одной стороны, они были доступны вліянію расколоучителей, съ другой—ихъ задобрила безъ труда царевна, нуждавшаяся въ ихъ помощи для расправы съ старовѣрами. Эта черта имѣетъ значеніе и для оцѣнки событій въ маѣ 1682 г.

Свѣтская власть, позаботившаяся о защитѣ церкви, должна была принять строгія мѣры противъ раскола вообще. Послѣ наказанія главныхъ расколоучителей въ столицѣ, ихъ приверженцы, прибывшіе въ Москву во время волненія, спасались въ разныя мѣста. Приходилось слѣдить за ними и въ отдаленныхъ отъ столицы областяхъ, для предупрежденія и тамъ мятежныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, объясняется цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ, принятыхъ въ это время. Преимущественно берега Волги и Дона сдѣлались убѣжищемъ старовѣровъ. Въ ноябрѣ 1682 года разсланы были грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ. Правительство, и духовное и гражданское, вооружилось противъ раскола грозными средствами, когда почувствовало свою силу. Благодаря этимъ мѣрамъ, сдѣлалось очевиднымъ, что борьба противъ новой церкви, противъ государства, противъ «антихриста» въ массѣ народа была въ полномъ разгарѣ. Со-

¹⁾ Главными источниками для исторіи этого эпизода служатъ записки Медвѣдева и Саввы Романова. См. Устрялова, I, 46—77, и приложенія I, 284.

хранились данныя о слѣдствіяхъ, произведенныхъ по этимъ дѣламъ. пытки и казни, ссылка и костры не помогали. Были случаи само-сожженія раскольниковъ, осаждаемыхъ въ деревняхъ и монастыряхъ царскими войсками. Многіе старовѣры спасались за-границу, въ Польшу, или въ Швецію, или къ казакамъ на крайнемъ юго-востоку, гдѣ борьба съ ними приняла впослѣдствіи, при Петрѣ Великомъ, широкіе размѣры ¹⁾.

Едва правительство успѣло избавиться отъ опасности, грозившей ему отъ раскола, возникъ новый кризисъ. То была опасность военной диктатуры князя Хованскаго.

Хованскій самъ выводилъ свой родъ отъ Гедимины, но предки его не были извѣстны въ старину. Онъ не пользовался хорошою репутаціею относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичъ могъ говорить ему: «я тебя разыскалъ и вызвалъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ». Его считали человѣкомъ заносчивымъ, неумѣющимъ сдерживать себя, непостояннымъ, слушающимъ чужихъ внушеній. Народъ далъ ему прозваніе «Тараруя» ²⁾.

Сдѣлавшись начальникомъ стрѣleckаго войска, Хованскій обнаруживалъ непріязнь къ боярамъ. Ходили слухи о стараніи его вооружить стрѣльцовъ противъ бояръ. Опасаясь сдѣлаться жертвою бунта въ пользу Хованскаго, Иванъ Милославскій уѣхалъ изъ Москвы, укрывался, переѣзжая изъ одной подмосковной въ другую, «какъ подземный кротъ», по выраженію современника, Андрея Артамоновича Матвеева. Стрѣльцамъ же въ это время старались внушить, что бояре замыслили перевести стрѣleckое войско. Волненіе усиливалось. Разносились слухи о немедленно предстоящемъ бунтѣ противъ государей и царевны. Поэтому 20-го августа царское семейство удалилось въ Коломенское. Москва опустѣла. Вельможи или также уѣхали въ Коломенское, или отправились въ свои деревни. На торжествѣ новолѣтія (1-го сентября), всегда совершаемомъ съ пышностью, въ присутствіи всего двора, никто изъ вельможъ не участвовалъ, къ досадѣ патріарха и къ общему изумленію жителей столицы. Народъ ждалъ большихъ бѣдъ.

Стрѣльцы отправили въ Коломенское выборныхъ съ увѣреніями, что они не имѣютъ никакого умысла, и съ просьбою, чтобы дворъ возвратился въ столицу. Самъ Хованскій поѣхалъ въ Коломенское и рассказывалъ здѣсь, будто новгородское дворянство замышляетъ

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 89. Аристовъ, 115.

²⁾ Тамъ-же, XII, 349—350.

нападеніе на Москву, гдѣ стануть сѣчь всѣхъ, безъ разбора и безъ остатка. Когда правительница потребовала отъ Хованскаго, чтобы онъ отпустилъ въ Коломенское Стремянной полкъ, на привязанность котораго дворъ могъ разсчитывать безусловно, онъ сначала ослушался. Нужно было повторить указъ нѣсколько разъ, и тогда только онъ отпустилъ этотъ полкъ.

Между тѣмъ, явилось подметное письмо, въ которомъ заключался извѣтъ на Хованскаго и сына его, Андрея, въ замышленіи царевубійства. Хованскіе, говорилось въ письмѣ, хотятъ убить ца-

Конный жилецъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“.

рей, Ивана и Петра, царицу Наталью, царевну Софью, патриарха и множество бояръ, вооружить крестьянъ противъ господъ, избрать старовѣра въ патриархи и проч.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли повѣрила правительница этому доносу, или показывала только видъ, что вѣрить ему, но какъ бы то ни было, дворъ удалился еще дальше отъ Москвы, переѣхавъ, 2-го сентября, въ село Воробьево, оттуда, 4-го, въ Павловское, затѣмъ, 6-го, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, затѣмъ еще дальше, въ Воздвиженское. Отсюда 14-го сентября былъ посланъ царскій указъ «быть въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боя-

рамъ, окольниковъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ 18-му сентября». Въ окружныхъ грамотахъ, отправленныхъ во Владиміръ, Суздаль и другіе города, Софья говорила объ открытіи страшнаго заговора Хованскаго и стрѣльцовъ, осуждала образъ дѣйствій послѣднихъ въ половинѣ мая, обвиняла ихъ въ совмѣстномъ дѣйствіи съ раскольниками. «Спѣшите», обращалась царевна въ своемъ призывѣ къ дворянамъ и всякаго званія ратнымъ людямъ, «спѣшите, всегда, вѣрные защитники престола, къ намъ на помощь: мы сами пове-

Старинная церковь въ селѣ Воздвиженскомъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Русской Старинѣ“, изд. Мартыновымъ.

демъ васъ къ Москвѣ, чтобы смирить бунтующее войско и наказать мятежнаго подданнаго» ¹⁾).

Напомнимъ, что правительство въ жалованной грамотѣ отъ 6-го іюня запрещало всѣмъ и каждому попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками. Теперь же само правительство сдѣлалось ихъ обвинителемъ. Та же самая царевна, которая въ маѣ угощала стрѣльцовъ виномъ, давала имъ денегъ и приказала воздвигнуть въ честь ихъ памятникъ, теперь, въ надеждѣ на помощь и защиту

¹⁾ Акты Арх. Эксп. IV. № 268 и 289.

ратныхъ людей всякаго званія въ борьбѣ съ стрѣлцкимъ войскомъ, начала говорить о дѣйствіяхъ стрѣльцовъ, какъ о преступленіяхъ; тотъ самый Хованскій, который въ маѣ дѣйствовалъ въ качествѣ сообщника царевны, теперь считался преступникомъ именно потому, что льстил стрѣльцамъ и считалъ ихъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей.

На пути къ Троицкому монастырю, который легко могъ превратиться въ неприступную крѣпость, дворъ и бояре остановились въ селѣ Воздвиженскомъ. Сюда правительница пригласила Хованскаго, чтобы выманить его изъ столицы, ласково похваливъ его за вѣрную службу, какъ бы для совѣщанія по дѣламъ малороссійскимъ. Хованскій поѣхалъ съ сыномъ Андреемъ и съ небольшимъ отрядомъ стрѣльцовъ въ Воздвиженское. Тамъ, однако, до пріѣзда князей Хованскихъ происходило у царевны «сидѣнье» съ боярами о важномъ дѣлѣ: обсуждались вины Хованскихъ; обвиненіе основывалось главнымъ образомъ на подметномъ письмѣ и состоялся приговоръ: «по поддинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣстному письму согласно, казнить смертю».

Бояринъ князь Лыковъ былъ отправленъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ — схватить Хованскихъ. Ихъ привезли въ село Воздвиженское и прочитали имъ приговоръ. Когда Хованскіе стали оправдываться и слезно просить, чтобы ихъ выслушали, было приказано немедленно исполнить приговоръ. Хованскихъ, отца и сына, казнили тотчасъ же у большой Московской дороги.

Судить о мѣрѣ преступности Хованскаго не легко; но ясно, что опасность военной диктатуры грозила ужасными послѣдствіями. Власть стрѣльцовъ и ихъ начальника могла уничтожить разомъ весь дворъ, правительство, бояръ. Нужно было дѣйствовать быстро, рѣшительно, даже пренебрегая правилами нравственности. Казнь Хованскаго была спасеніемъ. О громадномъ значеніи его, какъ начальника войска, свидѣлствуетъ то обстоятельство, что послѣ его казни оказалось вовсе не труднымъ справиться съ этимъ такъ называемымъ вторымъ стрѣлцкимъ бунтомъ. И въ 1698 году стрѣльцы не были особенно опасны именно потому, что не имѣли начальника¹⁾.

Что правительница придавала очень серьезное значеніе бунту Хованскаго, видно изъ ея признательной памяти къ Саввину-Сторожевскому монастырю. Тамъ была построена церковь, освященная

¹⁾ Подробности этого событія по рассказамъ Матвеева и Медвѣдева, у Устрялова. I, 83 и слѣд. Сидѣнье Софіи съ боярами до казни Хованскихъ см. у Соловьева, XIII, 376 и слѣд. Приговоръ въ П. С. З. № 954.

въ 1693 году, въ память спасенія царей и царевны, «когда Хованскій со стрѣльцами на жизнь обоихъ государей и ея покушался» ¹⁾).

Хованскаго обвиняли въ намѣреніи убить царей Ивана и Петра. Однако младшій сынъ Хованскаго, Иванъ, сосланный при Софѣѣ, послѣ государственнаго переворота 1689 года занялъ довольно видное мѣсто. Можно думать, что Петръ вовсе не былъ убѣжденъ въ преступныхъ умыслахъ Хованскихъ.

Этотъ младшій сынъ князя Хованскаго, бывшій въ селѣ Воздвиженскомъ свидѣтелемъ казни отца и брата, ускакалъ въ Москву и сообщилъ стрѣльцамъ о случившемся. Стрѣльцы заняли Кремль и захватили запасы военныхъ снарядовъ. Патріархъ не былъ въ состояніи остановить движеніе стрѣльцовъ: они грозили убить его и перебить всѣхъ бояръ. Можно было ожидать отчаянной борьбы между различными классами общества.

Между тѣмъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ позаботился объ укрѣпленіи Троицкаго монастыря; сюда собрались со всѣхъ сторонъ ратные люди на помощь правительству. Достоинно вниманія, что сюда были призваны и иноземцы — воины, проживавшіе въ Нѣмецкой слободѣ, близъ Москвы. Правительство довѣряло имъ исполнѣ. И въ 1662 году, по случаю Коломенскаго бунта, царь Алексѣй пригласилъ иноземцевъ на помощь; позже, въ 1689 году, когда происходила развязка борьбы между Софьею и Петромъ, иноземцы также явились въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ и этимъ содѣйствовали побѣдѣ Петра надъ Софьею.

Видя военныя приготовленія въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, стрѣльцы, лишившіеся начальника, рѣшили отказаться отъ дальнѣйшихъ мятежныхъ дѣйствій. По приглашенію правительницы, они отправили въ Троицу выборныхъ, которые, отъ имени стрѣлецкаго войска, изъявили раскаяніе.

Какъ видно, стрѣльцы плохо надѣялись на свою силу и свое военное искусство. Только-что поднявъ знамя бунта, они мгновенно превратились въ покорныхъ рабовъ. Не только въ запискахъ современниковъ, переполненныхъ анекдотическими и легендарными чертами, но и въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается замѣчаніе, что стрѣльцы прибыли въ Лавру съ плахою и топоромъ, въ знакъ того, что они достойны смертной казни и отдають себя во власть правительства ²⁾.

Немногіе стрѣльцы были казнены;—вообще же мятежниковъ помиловали. Между условіями, на которыхъ имъ даровалось про-

¹⁾ См. Аристова, приложение XXIV.

²⁾ Крекшинъ.—Соловьевъ, XIV. Приложение XLIII.

рять похвальныя и другія многія непристойныя слова, на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ». Вслѣдствіе этого, въ маѣ 1683 года, былъ объявленъ указъ, которымъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено хвалить прошлое смутное время ¹⁾. Оказалось, что въ областяхъ скрывалось множество бѣглыхъ стрѣльцовъ въ крестьян-

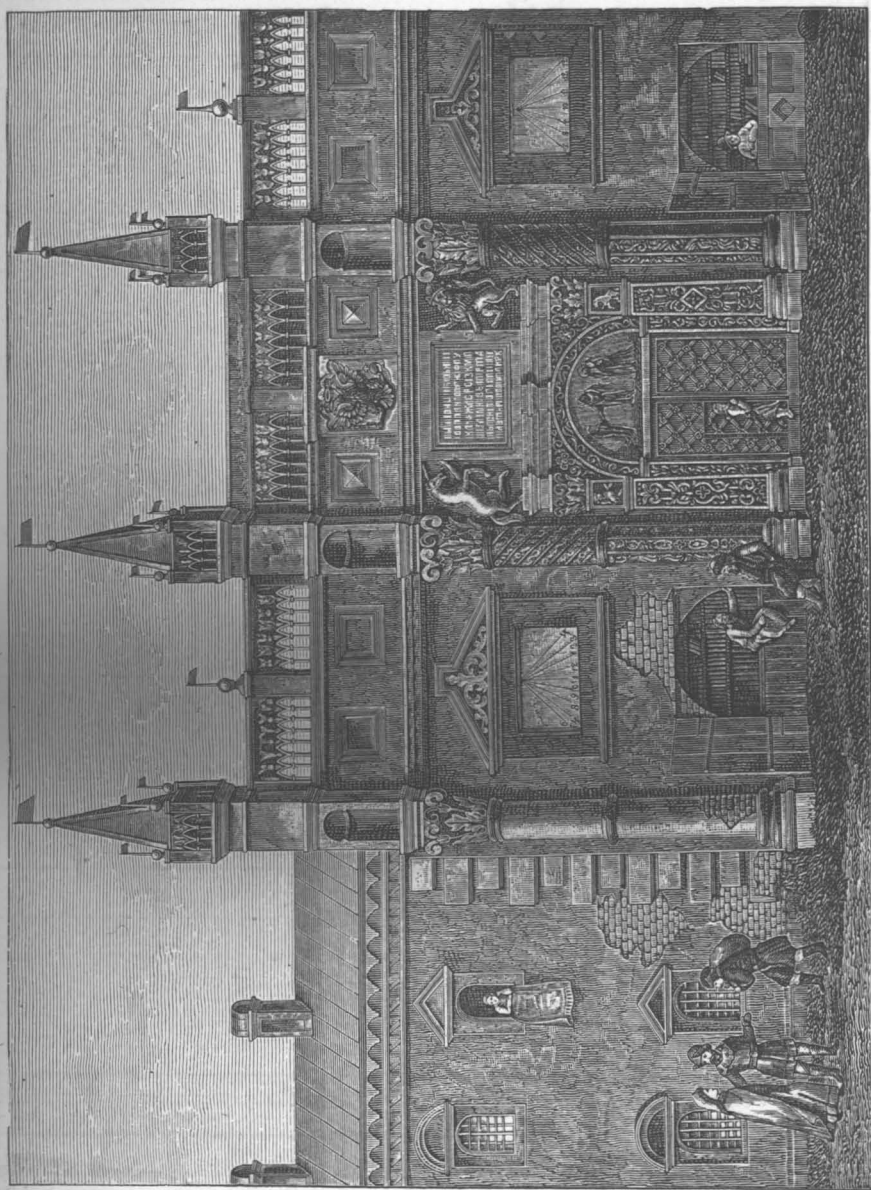
Воинъ-иноземецъ въ русской службѣ въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“.

скомъ платьѣ. Особенно въ Путивлѣ, Конотопѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ мѣстахъ малороссійскихъ, а также на Донѣ, вѣроятно, не безъ вліянія московскихъ стрѣльцовъ, разсѣвались разные ложные слухи, происходили волненія. Противъ всего этого правительствомъ были приняты разныя мѣры ²⁾. На Донѣ было столько недовольныхъ, что тамошніе представители власти просили не ссы-

¹⁾ Собр. гос. гр. и дог. IV № 160.

²⁾ См. подробности въ соч. Аристова, 107 и слѣд.

Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго государства“.

латъ болѣе въ донскіе города преступниковъ, потому что они возбуждаютъ смуты. На Дону, между прочимъ, ходило по рукамъ мнимое посланіе царя Ивана Алексѣевича, въ которомъ приказывалось казакамъ идти на Москву, гдѣ бояре не слушаются его, царя и пр. Каждую минуту можно было ожидать повторенія временъ Стеньки Разина ¹⁾).

За границу думали, что возстановленіе порядка въ Московскомъ государствѣ окажется невозможнымъ. Въ Польшѣ надѣялись воспользоваться этими смутами для пріобрѣтенія вновь Малороссіи. Такъ что и для сохраненія авторитета правительства въ области внѣшней политики нужно было заботиться о подавленіи во что бы то ни стало всякаго мятежнаго духа въ Россіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ первое время правленія Софьѣ приходилось бороться съ страшными затрудненіями. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока новое правительство получило возможность настоящимъ образомъ направить свою дѣятельность. Нельзя отрицать, что сила воли правительницы и ея способности содѣйствовали спасенію авторитета власти въ это время.

¹⁾ Соловьевъ, XIII, 387.